

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «МАКРО- И МИКРОИСТОРИЧЕСКИЕ
СРЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА»**

УДК. 930.1

И.Ю. Николаева

**СУДЬБА УЧЕНОГО И УЧИТЕЛЯ
НА ПЕРЕКРЕСТИИ МИКРО- И МАКРОИСТОРИИ**

Посвящается анализу идентичности и научной судьбы Б.Г. Могильницкого в контексте макроистории российского и, в частности, томского интеллектуально-го сообщества.

Ключевые слова: идентичность, интеллектуальное сообщество, макро- и микроистория.

В научной и преподавательской судьбе Бориса Георгиевича преломилась не одна эпоха отечественной истории. Казалось бы, банальное для историка утверждение в данном случае содержит, на мой взгляд, некий парадокс. Профессионал с большой буквы Борис Георгиевич любит цитировать Валлерстайна, характеризовавшего русский путь как путь «обычной для России ухабистой истории». Но его судьба раскрывалась и раскрывается наособицу, и, я бы сказала, самым счастливым образом, как бы подтверждая наличие разных альтернатив в самодвижении этого пути.

Поэтому, даже без оглядки на юбилейный формат данного события, невольно задаешься вопросом, вопросом, особо актуализированным нашим временем – временем неуверенности, шараханий, сгущенной неопределенности каких-либо перспектив: Как ему удалось взрастить, как говорили древние германцы, свою удачу, свою судьбу? Как удалось добиться того равновесного состояния духа, который и ответствен за образ, как сказал бы Конфуций, благородного мужа, который мы привыкли воспринимать во всей органичности и гармонии проявлений его натуры? Как удалось сохранить и развить школу, пережившую не одно поколение исследований? Ища ответ на этот вопрос, мы, его ученики и коллеги, предприняли свое микроисторическое исследование, как нам кажется, вписывающееся в формат большой истории нашего общества и науки.

Его история берет свое начало не в столице, он родился не в среде партийной или академической элиты, а в той, которую принято называть простой. Родители принадлежали к той части советской интеллигенции, которую назовут интеллигенцией в первом поколении (его отец Георгий Николаевич Могильницкий, служивший инженером, и мать, Берта Борисовна Столпер, бывшая врачом, были первыми в своих семьях, получившими высшее образование). Родители, люди труда, заложили в сына те ценности, которые, строго говоря, не имеют исторически координационной привязки,

а являются теми, что во все времена обеспечивают сохранение общества и культуры. Первейшая и главная, формообразующая, как скажет психолог, идентичность – потребность в труде. Хочу подчеркнуть – именно потребность. Знаменитое «ни дня без строчки» – эти сакраментальные слова раскрывают повседневную ткань того, из чего ткалась его судьба.

Секрет такой жизни и прост и сложен одновременно. В основе его – глубокий интерес к тому, чем он занимается. Многим ли выпадает такое счастье – обрести этот подлинный интерес, не хобби, не увлечение, а интерес, смыслообразующий саму жизнь? Это вопрос. В этом смысле удачливость его судьбы, его пути была во многом определена его встречей с Томским университетом и с его учителем – А.И. Даниловым. В этом микроисторическом событии оказалось завязано столько линий большой истории, что лишний раз убеждает в непреложности вывода о случае как разменной монете закономерности.

Томский университет уже тогда выделялся на фоне сибирских вузов. Новый импульс ему дала война, а точнее поколение людей войны, вернувшихся с ее фронтов и пополнивших университетские ряды в качестве студентов и преподавателей вуза. С ними пришло и новое ощущение свободы, самостоятельности суждений, подпитываемое тем опытом обретенной мудрости, что дала война. Оно придало особый дух тому чувству коллективизма, общего дела, гуманистической общежитийности, что отличали людей поколения 50–60-х гг. Среди сокурсников и преподавателей Бориса Георгиевича в его студенческие годы оказалось немало фронтовиков, ему довелось жить и учиться, как он сам вспоминает, в неповторимой атмосфере творческой свободы, интеллектуальной энергии, открытости ко всему интересному и новому, аналогии которой трудно найти.

Носителем этого духа отчасти был и его учитель. Приехавший в 1947 г. в ТГУ, А.И. Данилов привлекал многих своей фронтовой биографией, своей сильной и волевой натурой, широчайшим кругозором и глубокой культурой. Под воздействием его профессионального магнетизма Б.Г., уже определившийся, как ему казалось, с областью своих научных интересов (его интересовала современность), сделал бесповоротный выбор в пользу медиевистики. Лекции по западноевропейскому Средневековью, спецсеминар, который вел Александр Иванович по раннему Средневековью, были образцом цехового мастерства. И это неудивительно. Ученик выдающегося советского историка А.И. Неусыхина, который, в свою очередь, прошел школу известнейшего отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного в традициях Т.Н. Грановского и И.В. Лучицкого – гордости российской исторической науки, Александр Иванович не мог не вызывать интереса.

Важно подчеркнуть, что это было встречное движение – не только Борис Георгиевич тянулся к Александру Ивановичу, но и учитель выделял среди многих увлеченность наукой, пылкий и гибкий ум приглянувшегося ему студента, отмечая при этом его трудолюбие и ответственность. Уже в студенческие годы между ними существовала особая духовная связь. Борис Георгиевич хранит редкую фотографию. На ее обороте написано: «Дорогому Боре на память 1 января 49 г.». Показывая ее, он прокомментировал: встреча

Нового года втроем – Александр Иванович, он сам и его сокурсник. Не всякий удавался столь близкого общения.

Именно у учителя, а точнее, прежде всего у него, Борис Георгиевич получил уроки профессионализма высочайшей пробы, в общении с ним он обрел тот культурно-исторический багаж, который определит интересы, стиль работы, направления научного поиска сначала студента, а потом и зрелого исследователя.

Поэтому неудивительно, что защищенная в 1958 г. кандидатская диссертация по Петрушевскому, а в 1967 г. – докторская, посвященная русской либеральной медиевистике конца XIX – начала XX в., явились, как теперь принято говорить, историографическим событием. Диссертации, как и целый ряд статей и книг, опубликованных им в это время, заявили о появлении в отечественной науке не просто историографа-медиевиста, но ученого с **широчайшим интеллектуально-культурным диапазоном видения вещей**. И в этом опять-таки оставила свой след большая история. Что бы ни говорилось о бытовании советской исторической науки в тогдашние годы, она была живым явлением, сохранившим в лице наиболее одаренных и чутких ее представителей преемственность с лучшими традициями российской науки, со свойственной ей широтой и глубиной осмысления анализируемых явлений, умением видеть их связь с культурно-историческим и социальным контекстом

Наряду с тем, что бытовало в форме открытого или неосознаваемого госзаказа, с тем, что процветало в форме безжизненного идеографизма или уплощенной редуцированной к препарированному Марксу интерпретации истории, развивалась и крепла живая альтернатива научного поиска. Не буду говорить о разных формах научной материализации этой альтернативы, лишь подчеркну, что одной из наиболее продуктивных и сложных ее версий явилась методология истории, по праву называемая царицей наук. В работах Бориса Георгиевича 60–70-х гг., как и в трудах таких известных историков, как Барг, Гефтер, Цамутали, Шапиро, формировался ее отечественный абрис. Он свидетельствовал, что советская наука оказалась в состоянии вести диалог с прошлым крупного формата, ставя такие нестандартные вопросы, как понятие кризиса, кризиса не как стагнации или загнивания, но как болезненного перехода к новому, формулируя новые понятия, такие, например, как «теории среднего уровня», в противовес истматовской теории общеисторических закономерностей, действующих в определенных пространственно-временных рамках, а вслед за тем разрабатывать и проблему исторической альтернативности.

Словом, во многих отношениях он был одним из первопроходцев в сложных дебрях тогда еще только становящейся на почве советской науки методологии исторического знания. Забегая вперед, оговорюсь, его особый талант сказался в том, что в отличие от многих, поднимавших целину в этой по сути новой для советской науки области знаний, Борис Георгиевич оказался не просто пионером, одиноким старателем, поставившим и попытавшимся решить широкий круг историографо-методологических проблем, но тем, кто сумел увлечь и объединить широкий круг молодых единомышлен-

ников и коллег, придал коллективу, стихийно сложившемуся вокруг Александра Ивановича, черты профессионально признанной школы.

Более того, в этот диалог учителя и учеников оказался вовлеченным широкий круг людей как с факультета, так и с гуманитарных кафедр ТГУ и других вузов. Вокруг Бориса Георгиевича и руководимой им кафедры, которую В.П. Андреев назвал «интеллектуальным мотором факультета», образовалось то интеллектуально насыщенное поле, в котором, как в бродильном котле, зрели новые идеи, появлялись новые формы профессионального общения. Одной из них явился общегородской методологический семинар, собиравший огромные аудитории томской гуманитарии самого разного профиля. Другой не менее уникальной формой явилось издание единственного пока не только в стране, но и мире специализированного ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» – «МИВИН». Наконец, своеобразной визитной карточкой руководимой Борисом Георгиевичем школы стали и научные конференции, проводимые на базе кафедры. Региональные по статусу в советское время, по географии участников, по научному уровню они, безусловно, имели статус всесоюзных, их участниками были такие мэтры отечественной науки, как С.О. Шмидт, Д.М. Ковальченко, А.С. Шофман, Г.Е. Дунаевский, А.И. Борозняк. Традиция проведения этих конференций сохранилась, обретя с эволюцией школы новое лицо. Неслучайно юбилейная VI сессия научных встреч на томской земле посвящена проблемам соотношения макро- и микроистории, той проблематике, которая находится на острие развития науки, проблематике, связанной с методологическим синтезом

Известно, что организаторы науки или учебного процесса редко бывают крупными исследователями и наоборот. Верное во многих отношениях, это правило имеет исключения. Судьба Бориса Георгиевича как администратора и организатора – яркое тому свидетельство. На протяжении многих лет он был деканом факультета (с 1968 по 1972 г. – ИФФ, с 1974 по 1980 г. – ИФ), совмещая эту многосложную работу с руководством кафедры. В глазах многих поколений, учившихся на факультете, век его деканского правления **вошел в память как золотой век факультета**. Не одно поколение студентов называет его ласково-уважительно Б.Г. И в этом проговаривается тот неформальный и безусловный авторитет, который не зафиксируешь никакими должностями и степенями. Конечно, в обретении такого авторитета и устойчивого представления о времени его деканства как золотом веке большую роль сыграл и сам коллектив, в диалоге с которым постоянно оттачивался его талант как руководителя. Факультет в те годы находился в особом, можно сказать пассионарном, состоянии. Множество ярких дарований, талантливых педагогов и исследователей (И.М. Разгон, А.П. Бородавкин, М.Е. Плотникова, Н.С. Черкасов, Г.И. Пелих, А.А. Говорков – всех не перечислить) создавали ту неповторимую ауру культуры и внутренней свободы интеллектуального сообщества, закрепивших за ТГУ славу Сибирских Афин. И все же, в том, как сложилась судьба факультета в те годы, **большая заслуга прежде всего самого Бориса Георгиевича**.

В том, что его научно-профессиональная жизнь и биография сложились на редкость уравновешенно-удачно, объективно значимо, короче, счастливо, большую роль сыграло преподавание. Для кого-то это – профессиональная рутина, не более того, для Бориса Георгиевича – студент всегда был и остается главным собеседником. В нем он всегда видел и видит коллегу, пусть младшего по возрасту и другим параметром – но коллегу. Для встречи с ними – студентами – он всякий раз готовится как в первый раз, перед ними он не боится ставить те проблемы, которые мучают как исследователя и его самого. Всем своим отношением к делу он задает такую планку диалога, что никому в голову не придет не принять его дело всерьез. Отсюда и по принципу бумеранга ответное отношение студентов. Осознание того, с кем им посчастливилось столкнуться, у кого им посчастливилось учиться в университетских стенах, приходит не *post factum*, что нередко бывает в случаях с яркими преподавателями, но сразу. Вот лишь одно свидетельство: студенты одного из недавних выпущенных курсов по окончании занятий с ним сочинили следующие строки (я не буду приводить весь текст, но в нем есть главное): мы шли копать в пирамидах и сфинксам лапы пожимать, но дойдя до 3-го курса, наконец, прозрели, что «на туманный век персидский не променяем никогда, Борис Георгиевич Могильницкий, твои чудесные слова». Следует учитывать, что это экспромт, сочиненный в перерыве. Неудивительно, что многие воспринимают его, я привожу здесь слова Глеба Садыкова на одном из посвящений в студенты, что они имеют дело с классиком науки.

Было бы неверным представить профессиональный и научный путь Бориса Георгиевича как некую безмятежно-беспроblemную данность. Ему не раз приходилось сталкиваться с вызовами времени и судьбы. Вызовами, порой сложными, но он неизменно находил адекватный ответ на них. Одним из таковых были перестроечные годы, оказавшиеся не только индикатором кризиса социальной или политической системы страны, но и науки.

Характерной чертой последнего явилась концептуальная растерянность, во многом связанная с тем, что в условиях дискредитации марксистской теории образовался вакуум. Многие только тем и занимались, что громили марксистскую теорию и, не имея за душой ничего более серьезного, лихорадочно хватались за первые приглянувшиеся западные концепции, сотворяя из их авторов новых кумиров. Третьи и вовсе разуверились в важности своего дела и покидали Музу, в любви к которой еще недавно клялись.

Безусловно, для Бориса Георгиевича. это было время, когда он испытал один из сложнейших кризисов профессиональной идентичности, мучительных поисков самоопределения в новых реалиях. Уже в одной из своих статей начала 90-х гг. он писал: «Начинается, хотя и медленно, подспудно процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности». Но в отличие от многих он не сжег мосты и во многом не отказался от того наследства, что досталось советской науке от ее предшественников, в том числе и Маркса. Но рядом с Марксом в центре его интересов вскоре оказались Марк Блок и Люсьен Февр, Фернан Бродель и Хейзинга, Томпсон и Ладюри и многие другие имена, связанные с реконструкцией того, что в исторической антро-

пологии именуется живым лицом истории. Такой поворот не был данью моде или конъюнктуре. Еще в середине 70-х, когда интересы Б.Г. все более и более сосредоточивались в области новаций в западной науке, его привлек феномен переживавшей в то время исследовательский бум психоистории. К этому времени за ним закрепилась репутация одного из знатоков и критиков западной историографии. И он инициировал проект по анализу этого явления, над которым ряд лет работали его ученики [1]. Как бы теперь ни оценивалась критическая составляющая этого знакомства с миром другой науки, важно одно – в ней Б.Г. сумел увидеть многое такое, что было не просто интериоризовано его научным сознанием, но творчески обжито и освоено.

Знакомство с новыми методологиями анализа человека, его чувств и сознания, всего того, что сегодня именуется антропологической историей, вылилось во взвешенный анализ, нашедший отражение в целом ряде исследований учителя и учеников. Назову лишь некоторые из них: «Историческая наука и историческое сознание», «К новому пониманию человека в истории», «Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика», «Историческое движение “Анналов”: традиции и новации» [2]. И, конечно же, самое крупное, вылившееся уже на данном этапе в 3-томник «История исторической мысли XX века» исследование самого Б.Г., вышедшее с подзаголовком «Курс лекций» [3]. Оно по своей сути является научным исследованием, в котором «с высоты птичьего полета» через персоналии анализируются магистральные тенденции развития исторической науки XX в., выявляются причины и характерные черты парадигмальной ломки науки, в авангарде которой шла школа Анналов. Трехтомник, нашедший высокую оценку специалистов. Приведу лишь одну из них, принадлежащую В.В. Согрину, изложенную в рецензии на страницах журнала «Новая и новейшая история».

«На мой взгляд, – пишет В.В. Согрин, – Б.Г. Могильницкий в полной мере заслуживает быть названным отечественным мэтром историографического анализа, равного которому по познанию мировой исторической науки, широте и глубине постижения ее разных этапов и тенденций, способности всесторонне проанализировать разнообразные ее стороны и создать сбалансированный, точно выверенный синтез, назвать сегодня трудно» [4, 99].

Умение видеть за лавиной разнонаправленных и хаотических процессов главное, позволяющее отсекал тупиковые ветви поиска и находить те ниши работы, которые сулят открытие нового, – эти способности Бориса Георгиевича как учителя и руководителя школы помогают направлять ее развитие и сейчас. Поэтому неслучайно в рамках школы в последние годы сформировалось направление, связанное с новой технологией исследования ментальности. Апробация ее на практике показала, что понятие «ментальность», ставшее, по выражению Л.М. Баткина, к этому времени вульгарно заболтанным [5, 16], может расшифровываться в достаточно строгом режиме верификации [6].

Именно способность истории, невзирая на все сложности ее дела, давать объективное знание является одной из главных площадок, на которых Борис Георгиевич ведет «бои за историю» и сегодня. И в этом смысле он остается

верным самому себе, несмотря на все перипетии развития общества и науки. Прочитую вслед за ним Февра, говорившего, что заниматься историей нужно, так как «именно история и только она помогает нам жить в теперешнем мире, потерявшем последние остатки устойчивости» [7]. То, как сам Борис Георгиевич живет и творит историю в этом мире, не может не откликаться в сознании тех, кто его окружает, – студентов, учеников, коллег. А потому многие из нас могли бы сказать про уроки, данные учителем: «Но силу их мы чуем, их слышим благодать, и меньше мы тоскуем, и легче нам дышать».

Литература

1. *Американская буржуазная «психоистория»* (критический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.
2. *К новому пониманию человека в истории*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 225 с.; *Историческая наука и историческое сознание*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 230 с.; *Ким С.Г.* Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск, 2002. 196 с.; *Трубникова Н.В.* Историческое движение «Анналов»: традиции и новации. Томск, 2007. 352 с.
3. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. III: Историографическая революция. Томск, 2008. 553 с.
4. *Согрин В.В.* Современная историографическая революция // Новая и новейшая история. 2009. № 3.
5. *Баткин Л.М.* О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. М., 1994.
6. *Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы* / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. М.: Логос, 2005. 189 с.; *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. 301 с.; *Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований* / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2004. 168 с.; *Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов* / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2005. 346 с.
7. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.